

РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

ПЕРЕВОДЪ

М. (Lindert's) Wess.
И. Берга.

2
МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1854.

27223,13.

1888, 1889.

Министр Финансов.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Августа 10-го дня, 1854 года.

Ценсоръ Д. Ржевскій.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ

ПОГОДИНУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пѣсня есть первое, непосредственное проявленіе поэтическаго народнаго генія въ словѣ. Смотри по народу и условіямъ его быта, пѣсня получаетъ свой особенный характеръ и названіе. Вовсе безъ пѣсни обойтись народу нельзя. Всякій народъ поетъ что-нибудь, или принятое отъ предковъ, или создаваемое имъ самимъ. Можно сказать, что пѣсня почти всегда въ ладу со способностями народа, и всегда больше или меньше отражаетъ его характеръ. Не было примѣра, чтобы народъ, спустившійся на самую низкую степень образованія, народъ обмельчавшій, спѣлъ хорошую пѣсню. Ни отъ кочеваго Калмыка, ни отъ мелкаго торговца Татарина не услышите вы хорошей пѣсни. Но опять не надо увлекаться, и по пѣснѣ рѣшительно заключать о способностяхъ народа; есть такіе народы, у которыхъ пѣсня не слишкомъ ладитъ со всѣмъ остальнымъ, у которыхъ только и замѣчательнаго, что пѣсня. — Вообще крайне трудно опредѣлить, *при какихъ именно условіяхъ* является хорошая пѣсня у народа. Если скажутъ: у народа, *способнаго къ литературѣ*, — можно указать случаи, гдѣ хорошая пѣсня является вовсе не у литературнаго народа. Если скажутъ: у *благоденствующаго* — и тутъ можно найти опроверженія, и выставить случаи, гдѣ неблагоденствіе какъ-будто помогаетъ явленію лучшей пѣсни. Новая Греція тогда запѣла свои

прекрасныя клеѣтическія пѣсни, когда нагрянули Турки и внесли въ Морею смерть и опустошеніе. Можетъ быть нѣтъ ничего столь прихотливаго, какъ пѣсня....

Первое, почему народная пѣсня заслуживаетъ вниманія образованнаго человѣка, есть — достоинство ея языка, свѣжаго, яркаго, не искаженнаго никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Это главный источникъ, откуда образованный языкъ народа можетъ черпать силу и крѣпость.

Кромѣ того пѣсня можетъ служить помощію Исторіи.

Время, когда слагались пѣсни, тѣ пѣсни, которыя мы теперь тщательно собираемъ и которыхъ сами не умѣемъ сложить, — это время ушло отъ насъ далеко, такъ далеко, что мы даже не умѣемъ представить себѣ, *какъ это такъ* слагались эти пѣсни; *какъ это такъ* выходило изъ народа это удивительное слово, *гдѣ не лжетъ ни одинъ звукъ*. Таковы по преимуществу пѣсни Бедуиновъ (Хамаса), можетъ быть потому, что записаны очень рано, въ IX вѣкѣ. Теперь остался кажется только одинъ народъ, который умѣетъ пѣть пѣсни по прежнему; и какой народъ? Почти незнающій грамоты; но и у него эта грамота уже начинаетъ вытѣснять пѣсню.

Всегда движеніе цивилизаціи уничтожало пѣсню. Являясь у народа младенчеству, но чуткаго къ своему слову, пѣсня впоследствии замѣнялась произведеніями отдѣльных лицъ. Простой человѣкъ терялъ къ ней привязанность и забывалъ ее для новыхъ романсовъ. Такъ пѣснѣ грозила опасность исчезнуть и пропасть безъ слѣда, но спасъ ее тотъ-же образованный человѣкъ, который былъ причиною ея паденія. Поэзія образованнаго міра протянула ей руку помощи и указала на ея достоинства; побраталась съ ней и во имя искусства пошла съ ней рука въ руку.

Вотъ уже лѣтъ пятьдесятъ записываемъ мы и издаемъ пѣсни. Но все еще новъ и не знакомъ для насъ этотъ міръ; все еще

робко и не охотно приближаемся мы къ пѣснѣ, какъ-будто чего-то боимся и додѣлываемъ обманъ и наважденіе. Мы записали то, что было сподручно, что относилось къ народамъ, которые къ намъ поближе и пользуются нашимъ сочувствіемъ, но что *тамъ*, въ отдаленныхъ или не такъ интересныхъ уголкахъ Европы (о другихъ частяхъ свѣта и не говорю), это неизвѣстно никому. Спросите, знаетъ-ли кто, о чемъ поетъ Литвинъ, Чухонецъ, Мадыринъ? Какая пѣсня сложилась на далекомъ, таинственномъ островѣ Исландіи? Кто принесъ оттуда хотя одинъ звукъ? Кто указалъ, гдѣ преобладаетъ эпическій элементъ и гдѣ лирический? Чьи пѣсни болѣе народны; такъ сказать, болѣе *пѣсни*, чѣмъ стихотворенія? Какіе разбѣры любить Сѣверъ и какіе Югъ? Гдѣ унывы и гдѣ веселы мотивы? Отъ чего не указать и на это: ибо ничто не случайно у народовъ, и всякая мелочь, съ перваго взгляда кажущаяся бездѣлицею, можетъ бросить свѣтъ на бытъ и характеръ народа. Неужели случайны единственные мотивы Русской пѣсни?

Занимаясь давно народной поэзіей, я много разъ приходилъ къ этимъ вопросамъ, и меня всегда интересовали эти забытые, отдаленные уголки. Какъ иной ботаникъ за рѣдкимъ растеніемъ, хотѣлъ я проникнуть въ эти тундры за рѣдкою пѣсней. Наконецъ, лѣтъ пять тому назадъ, рѣшился собирать *пѣсни разныхъ народовъ*, и переводить ихъ по-Русски стихами. Сначала мнѣ хотѣлось собрать пѣсни народовъ Европейскихъ, но я не могъ достать очень многихъ Сборниковъ, и потому принужденъ былъ измѣнить планъ, и на первый разъ издать то, что случилось собрать. Тутъ-же помѣщаю я и одинокія, рѣдкія пѣсни, можетъ быть нисколько не характеризующія мозги народа, которому принадлежатъ, по крайней мѣрѣ показывающія, какой родъ пѣсни у того народа возможенъ. Зачѣмъ пренебрегать и этимъ клочкомъ. Тамъ, гдѣ не знаешь ничего, любопытно все, всякая черта.

Чтобы сдѣлать выборъ, я долженъ былъ прочитывать сборники болѣею частію отъ доски до доски, или руководствоваться

указаніемъ другаго, знающаго. Сначала, во время пересчитыванія, мнѣ казалось, что все это одно и то-же; пѣсня такъ пѣсня и есть; слышались одни и тѣ-же приемы. Но потоку эти голоса народовъ стали собираться для меня въ отдѣльныя группы и задвигались и зажили каждая особо, какъ народы, создавшіе ихъ. И тутъ я почувствовалъ въ однихъ большую наклонность къ лиризму, какую-то лирическую волну, царство звука, а въ другихъ наклонность къ разсказу, степенность и тишину. Первые были болѣе *пѣсни*, а вторыя уже переходили къ стихотвореніямъ, отзывались созданіемъ отдѣльнаго лица. Если случалось, что народъ расположенный къ эпической поэзіи, запѣвалъ лирическую пѣсню, въ ней проглядывало что-то эпическое; все укладывалось рапсодически, правильно; и обратно, когда лирической народъ запѣвалъ эпическую пѣсню, — чувствовался лирической размахъ, такъ все и просилось разлиться звуками. Но и здѣсь, когда окину взглядомъ все, вижу исключенія, хотя и немногія. Прежде всего мнѣ приходятъ въ голову Испанцы, лирической народъ, имѣющій превосходные, чистоэпическіе романсы; и опять я сознаюсь, что нѣтъ ничего прихотливѣе пѣсни и нерѣшительнѣе ея законовъ

Такимъ образомъ, естественно, пѣсни, собранныя мною, раздѣлились на двѣ части: къ первой отошли *лирическія*, которыя я ставлю на первомъ мѣстѣ потому, что это-то и есть собственно *пѣсни*; ко второй — *эпическія*.

Вглядываясь внимательнѣе въ эти двѣ семьи пѣсень, я замѣтилъ въ однихъ болѣе *пѣсенныхъ* *приемовъ*, болѣе *народности*, *красоты языка*; замѣтилъ и особенныя свойства каждой. И такъ я дошелъ до пѣсень, которыя могъ поставить во главѣ этихъ двухъ отдѣленій.

Во главѣ лирическихъ я ставлю пѣсню *Русскую*, пѣсню всѣхъ пѣсень. Я не разумѣю подъ этимъ, чтобы Русская пѣсня была лучше всѣхъ другихъ, но хочу сказать, что нѣтъ пѣсни *пѣсен-*

мее ея, оригинальнѣе и пародиѣе. Въ этомъ отношеніи она стоитъ рѣшительно отдѣльно ото всѣхъ и никакая другая далеко къ ней не подходитъ. Имѣя въ себѣ почти всѣ главныя свойства другихъ лирическихъ пѣсенъ, она имѣетъ много такого, чего нѣтъ и не можетъ быть ни въ какой другой пѣснѣ. Ни одна не представляетъ такой свободы размѣровъ — въ одной и той-же пѣснѣ, при общей гармоніи. Нельзя не удивляться, рассматривая это свойство Русской пѣсни, какъ иногда ямбы, хорен, дактили, и даже не хорен и не дактили, а что-то свое, подчиненное своей мѣрѣ, — длинныя и короткіе стихи, сливаются во что-то такое, что поется уже въ самомъ чтеніи. Съ другой стороны, ни одна не имѣетъ такого яркаго, играющаго языка. Ни въ одной нѣтъ такого размаха, такого собранія звуковъ, какъ-бы вытекающихъ одинъ изъ другаго и неудержимо несущихся одинъ за другимъ. Въ слѣдствіе такихъ свойствъ Русской пѣсни выходитъ, что сколько ни выслушаете пѣсенъ, вамъ все-таки будетъ казаться, что вы слышали собственно одну только пѣсню, — Русскую; а всѣ другія, какъ-бы онѣ хороши ни были, отойдутъ къ стихотвореніямъ, всѣ будутъ звучать *инструментами*, лишь только одна она будетъ отдаваться въ душѣ человѣческимъ голосомъ, со всею его свободою и безконечно-разнообразными переливами. Обо всякой можно спросить, кто сочинилъ, но никакъ не придетъ въ голову спросить это объ Русской: такъ она народна, такъ каждое слово ея принадлежитъ *всѣмъ*, а не *одному*. И потому никакія объясненія не объясняютъ ее: надо полюбить ее — и тогда она сама объяснится. Никакіе эпитеты нейдутъ къ ней, и всѣ эти *бойко*, *мѣтко*, *ловко*, *задушевно*, становятся пошлыми и смѣшными, когда возьмемъ ихъ для передачи свойствъ Русской пѣсни.

Откуда-же, отъ чего явилось такое преимущество Русской пѣсни? Откуда въ ней такая пѣсенность? — Прежде всего отъ ея языка, какого нѣтъ нигдѣ. Ни одинъ не устоитъ въ борьбѣ

съ этихъ богатырей, съ этихъ Ильей-Муромцевъ, у котораго еще не убавлено силы переходящихъ календарей,

Кабы на сему часть.

А потомъ — и самый народъ пришелся по языку, или лучше сказать, не могъ-же такой языкъ явиться у *какого-нибудь* народа. Умѣть Русскій человекъ справляться со своимъ языкомъ. Да и земля раскинулась такая, гдѣ невозможно было спѣться *другой* пѣснѣ. Вотъ откуда эти преимущества.

Больше я ничего не могу сказать о моей родной и милой пѣснѣ. Недосказанное доскажется само-собою всякому, кто найдетъ къ ней *путь-дорогу прямою*. Остается привести нѣсколько приѣздовъ.

Вотъ отрывокъ, гдѣ по преимуществу заключается первое указанное мною свойство Русской пѣсни, принадлежащее только ей одной: это свобода разиѣздовъ и стиховъ, при общей ихъ гармоніи.

Какъ во городъ было во Казани,
Среди было торгу на базаръ,
Хмѣлюшко пѣ торгу гуляетъ,
Да и самъ себя хмѣль выхваляетъ,
Что и нѣтъ-то меня хмѣлюшки лучше,
Хмѣлевой моей головки веселье....

Можетъ-ли быть что-нибудь пѣсеннѣ этой пѣсни? Гдѣ тутъ хотя какое-нибудь стѣсненіе, условныя формы? *Придетъ-ли мысль о сочинителѣ*? Не раздольно-ли и не свободно-ли, *какъ-бы сама собою*, льется эта пѣсня? И-что-жъ это: *бойко* что-ли? Или *мягко*, или *граціозно*? Какая таинственная зависимость между стихами! Можно-ли лучше, музыкальнѣ перейти отъ стиха —

Хмѣлюшко пѣ торгу гуляетъ,
къ слѣдующему, который устроился подлиннѣ —
Да и самъ себя хмѣль выхваляетъ,

И за тѣмъ такой-же —

Что и нѣтъ-то меня хмѣлюшки лучше,

И все повершаетъ удивительный послѣдній стихъ, также гармонически сочетающійся съ предыдущимъ, какъ и со всѣми вѣстѣ —

Хмѣлевой моей головки веселье....

И все это вышло какъ-то такъ, точно печаянно.

Вотъ еще пѣсня, въ которой уже нѣтъ такого разнообразія разнѣровъ, не принадлежащаго непременно всякой Русской пѣснѣ, напротивъ очень рѣдкаго, и кажется служащаго признакомъ древности. Но здѣсь есть свое: какая-то особенная прелесть въ цѣломъ, таящаяся неизвѣстно въ чемъ, помимо красоты выраженія.

Мимо моего садику,
Мимо моего зеленого,
Пролегала дороженька,
Широкимъ не широкая,
Только очень пробовста.
Какъ по той по дороженькѣ
Дочь отъ матери тѣла,
Горючѣ-слезно плакала,
Соловейку наказывала:
Ты лети, соловеюшко,
На родиму сторонушку,
Ты и сядь въ зеленѣмъ саду,
На любимую яблоньку,
Утѣшай мою матушку,
Чтобъ она, государыня,
Не тужила, не плакала,
На чужихъ дѣтей глядячи,
Ко своимъ примѣняючи.

Я рѣшительно не знаю, какъ довольно похвалить эту пѣсню. Есть-ли что-нибудь и гдѣ-нибудь столь-же совершенное въ

XII

своемъ родѣ, какъ она совершенна между пѣснями? Но уже подобная пѣсня *по правильности* своей возможна и у другихъ народовъ, — прежде всего у Сербовъ.

Вотъ пѣсня, служащая переходомъ къ эпической:

Во Москвѣ было славномъ городѣ,
За Мясницкими за воротами,
У кружала у Государева,
Что лежитъ-убить добрый молодецъ,
Онъ бывшимъ лицомъ ко сырой землѣ.
Увивалася родная матушка,
Во слезахъ она слово молвила:
Ужъ и я тебѣ, сынъ, говорила:
Не ходить тебѣ по чужимъ домамъ,
По чужимъ домамъ, ко чужимъ женамъ....

Слѣдующій отрывокъ есть примѣръ эпической Русской пѣсни, но вслушайтесь — и вы тотчасъ почувствуете, что это спѣлъ лирический народъ. И здѣсь царство звука, болѣе свободы фантазій, болѣе игры выраженія, нежели заботы о томъ, чтобы въ строгомъ порядкѣ слѣдовали событія, чтобы не сказалось чего лишняго. Скорѣе для одной мысли разсыплется сотня словъ.

Изъ-за моря, моря синева,
Изъ славна Волынца красна Галичья,
Изъ тоя Карелы богатыя,
Какъ ясень соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ-бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ,
Вывзжалъ удача добрый молодецъ....
И колчанъ пошелъ съ нимъ каменныхъ стрѣлъ,
А во колчанѣ было за триста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублевъ,
А и еще въ колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны-то нѣтъ,
Цѣны не было и не свѣдомо,
Потому тремъ стрѣламъ цѣны не было:

ХІІІ

Колоты они были изъ трость-древа,
Строганы тѣ стрѣлки въ Новгородѣ,
Клеены они были клеемъ осетра-рыбы,
Перены они были перыщемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы Камскія,
Не той-то Камы, коя въ Волгу впала,
А той-то Камы за синимъ моремъ....

Еще-ли это не любовь къ звуку? — *Сиза орла, орла орловича....*
И все нѣтъ конца, не можетъ остановиться, выдумалъ какую-то Каму за синимъ моремъ.... И замѣтите, какая оригинальность въ приѣмахъ, какое раздолье въ описаніяхъ. Съ перваго стиха слышишь присутствіе чего-то необыкновеннаго, чувствуешь богатыря, поднимаешься отъ земли.... Я не знаю ничего подобнаго между эпическими пѣснями другихъ народовъ. Сербскій эпосъ и разиѣръ его повторяются еще кое-гдѣ, но Русская эпическая пѣсня стоитъ совершенно особо.

Есть еще Русскія эпическія пѣсни духовнаго содержанія. Ихъ обыкновенно называютъ *стихами*. Въ этихъ пѣсняхъ болѣе рапсодическаго, болѣе тишины, но и тамъ постоянно видишь желаніе выразиться какъ можно красивѣе, пѣвучѣе.

Я заключу примѣромъ лирической пѣсни, въ которой преимущественно замѣчается послѣднее указанное мною свойство Русской пѣсни — *размахъ и стремленіе звуковъ*. Послушайте, какъ за словомъ слѣдуетъ другое слово, такъ-что все это дѣлается какъ-бы однимъ словомъ, — цѣпью звуковъ, и не знаешь, гдѣ будетъ перерывъ, гдѣ конецъ. Безъ пѣнія выходитъ что-то поющее само-собою:

Ахъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя,
Ужъ какъ мнѣ-ль по тѣмъ по сѣнюшкамъ не хаживати,
Мнѣ милѣ дружка за рученьку не важивати.

XIV

Выходила молода за новѣя вѣрота,
Выпускала соколѣ изъ правѣва рукава:
Ты лети, лети, соколѣ, высоко и далеко,
И высоко, и далеко, на родиму сторону,
На родимой на сторонкѣ....

Здѣсь я останавлиюсь. Пускай читатель почувствуетъ этотъ за-
мѣтный толчекъ при остановкѣ, что опять показываетъ, какою
таинственною цѣпью все это связано.

Обыкновенно говорить о Русской пѣснѣ, что она не выдер-
живаешь, т. е. допускаетъ какой-то. безпорядокъ, скачки, не-
ожиданные переходы отъ одного предмета къ другому, между
блестящими стихами позволяетъ плохіе, кончаетъ какъ случится,
а иногда какъ-будто и вовсе нѣтъ конца.... Это дѣйствительно
такъ, но это не есть недостатокъ настоящей лирической пѣсни,
а ея непремѣнное свойство. Это кажется недостаткомъ только
съ перваго взгляда. Я замѣтилъ, что чѣмъ пѣсеннѣе пѣсня, тѣмъ
больше этого безпорядка, невыдерживанія. А какъ стала вы-
держивать лирическая пѣсня, это уже показываетъ наклонность
народа къ эпосу, о чемъ я упомянулъ въ началѣ. — Что-же до
неловкихъ стиховъ между превосходными, — это происходитъ
отъ необыкновенной быстроты, съ какою создается подобная ли-
рическая пѣсня. Нельзя безъ нихъ обойтись и поэту, создаю-
щему снокойно, съ перомъ въ рукѣ.... Притомъ нетерпѣливъ ли-
рическій народъ, у котораго родится пѣсенная пѣсня. Какъ ни
любитъ онъ звукъ, и какъ ни понимаетъ красоту слова, но не
погонится, не остановится онъ, коли выпло слово не слишкомъ
удачно: такъ и быть! Остановится за этихъ народъ эпическій;
за то у перваго, у лирическаго, вырвется иногда такой стихъ,
такой красоты и блеска, какого не приснится и во снѣ народу-
эпику, все разсчитывающему и размѣривающему. Ничего не мо-
жетъ быть цѣльнѣе и выдержаннѣе иной лирической пѣсни Серб-
или Грека; это не пѣсня, а картинка, скажете вы; но за то

всѣ стихи ровны, всѣ дѣйствуютъ одинаково, и ужъ ни одинъ не зацѣпитъ васъ такъ, какъ зацѣпитъ иной стихъ пѣсни Русской, Малороссійской, Лужицкой....

Гдѣ-же поютъ теперь хорошія Русскія пѣсни? Куда итти? — Трудно отвѣчать на это. Теперь народъ потерялъ чутье къ пѣснѣ и иѣнаетъ ее съ романсами новаго мастерства. Нынче пѣтъ настояція Русскія пѣсни, значить *пѣтъ по-старинному*. А гдѣ поютъ такъ, по-старинному, — Богъ вѣсть. Мнѣ самому не случалось никогда напасть на хорошую пѣсню въ народѣ. За то между образованными знатоками пѣсни (которыхъ весьма и весьма не много) — я имѣлъ счастье встрѣтить одного такого, который имѣлъ все, чтобы понимать и передавать пѣсни и который познакомилъ меня съ удивительными сокровищами Русской народной поэзіи, въ отношеніи къ самымъ словамъ пѣсенъ и въ особенности въ отношеніи къ мотивамъ. Ему я обязанъ многимъ въ мою трудъ. Минуты нашихъ бесѣдъ останутся навсегда неизгладимо впечатлѣнными въ моей памяти. По замѣчанію его, лучшіе пѣвцы въ настоящее время на Русѣ — *каменщики*, т. е. занимающіеся стройкою каменныхъ зданій. Кромя того онъ замѣтилъ, что Сѣверъ обильнѣе лучшими пѣснями и мотивами, чѣмъ Югъ, и что если искать, то искать *здѣсь*.

Еще замѣчаніе: какъ быть съ неправильными, или будто-бы неправильными удареніями нашихъ пѣсенъ? Принимать-ли ихъ такъ, какъ есть, какъ слышишь въ пѣніи, или исправлять? Я стою за первое: принимать какъ въ пѣніи. Поддаемся-же мы иногда прихоти поэта и произносимъ слово, какъ ему хочется, отчего-жъ не поддаться народу? А поправлять языкъ народа трудно. Кто возьметъ на себя эту смѣлость?

Вслѣдъ за Русскою пѣснею идетъ у меня семья лирическихъ